

Р. Я. Рассудова

СЛЕДЫ ОБЩИННО-ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У УЗБЕКОВ

Для реконструкции следов общинно-военной организации у узбеков большое значение имеет анализ исторического значения термина «караказан». Этот термин, по данным источников XIX в., имел два значения: 1) военное ополчение и 2) феодально-зависимые крестьяне. Первое находим у кокандских историков¹, а также у военных техников Бурнашева и Поспелова, посетивших Ташкент в 1800 г.², о втором сообщает О. Д. Чехович³.

Во время этнографических исследований в Пастдаргомском районе Самаркандской области в 1961—1962 гг. мы столкнулись с новым значением этого термина. Караказаном («бир караказан») местное население называет группу кишлаков, составляющих сельскую общину. Эта община называлась также «казаншерик». Сохранилась она вплоть до образования колхозов.

Попытаемся выяснить, есть ли связь между тремя столь различными значениями одного и того же термина «караказан»: военное ополчение, феодально-зависимые крестьяне и сельская община.

Как уже говорилось, община в Пастдаргомском районе называлась «бир караказан» и «бир казаншерик». П. П. Иванов в своем исследовании о Зеравшанской долине начала XIX в. отмечает идентичность терминов «кылкуйрук» и «карачирик» в значении «ополчение» с термином «караказан» в Ферганской долине. При этом он сообщает, что термин «кылкуйрук» был известен и в Бухарском ханстве⁴, но, к сожалению, не указывает район распространения этого термина. Из приказов же бухарского эмира, изученных В. Л. Вяткиным, видно, что в Каршинском вилайете, соседящим с Зеравшанской долиной, ополчение называли не «кылкуйрук», а «карачирик»⁵. Таким образом, судя по приведенным данным, термин «караказан» в Зеравшанской долине был неизвестен, во всяком случае, в значении ополчения.

Подробные сведения о караказанах приводит Я. В. Ханьков со слов Бурнашева и Поспелова⁶. Мы узнаем, что часть жителей Ташкента и всего Ташкентского владения называлась караказанами. Это был определенный род войска. Караказаны делились по знаменам или полкам. Свои знамена, а следовательно, и своих караказанов, имел владетель Ташкента, его дети и знатные чиновники. Караказанов набирали с:

¹ П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг., М.—Л., 1937, стр. 74.

² Я. В. Ханьков, Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г., «Вестник Русского географического о-ва», СПб., 1851, т. 18, кн. 1, ч. 1, стр. 1—56.

³ «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 2, Ташкент, 1956, стр. 17.

⁴ П. П. Иванов, Указ. раб., стр. 41, 74. В. П. Наливкин, изложивший историю Кокандского ханства XIX в. на основании тех же источников, что и П. П. Иванов, ополчение называет терминами «кылкуйрук» и «каракалтак» (см. В. П. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 174). Сохранение же термина караказан в топонимике края, по-видимому, подтверждает слова П. П. Иванова. Так, в кишлаке Турват (к востоку от Маргелана), где мы работали в 1952—1955 гг., один из его четырех кварталов называется караказан. В прошлом здесь, по словам жителей, проживала наиболее бедная часть населения. Слово «казан» (турецкое и азербайджанское произношение «казган») встречается по всей Самаркандской области в наименованиях населенных пунктов, местностей: ирригационные каналы назывались только «казан». Нами выявлено 22 названия, содержащие термин «казан» (на северной и восточной окраинах, на границе с Казахстаном, в Зааминском и Ходжентском районах).

⁵ В. Л. Вяткин, Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов, «Известия Средне-Азиатского отдела Гос. Русского географического о-ва», т. XVIII, Ташкент, 1928.

⁶ Я. В. Ханьков, Указ. раб., стр. 27, 31, 32, 33, 36.

каждого дома по одному — два человека, а в случае крайней необходимости призывали всех людей, годных к военной службе.

Караказаны должны были быть всегда готовы к походу. Жили они в домах своих начальников, которые использовали их не только как военную силу. Часть караказанов помимо военной службы обрабатывали земли тех, в чьих полках они числились, Караказанами, например, обрабатывались земли вблизи Ташкента, около рек Чирик и Келес⁷. Труд караказанов применялся и в садоводстве, скотоводстве, даже в торговле; без их услуг начальники не обходились и дома, в своих поместьях, и т. д. В качестве вознаграждения за военную службу и хозяйственные работы караказанов освобождали от всяких поборов и разрешали «остальное время употреблять на собственные изделия»⁸.

Хотя Поспелов и Бурнашев не говорят о социальном положении людей, из которых набирали караказанов, однако по тому, как их использовали, можно заключить, что они принадлежали к низшим слоям населения. Судя же по перечню выполнявшихся работ, в караказаны, вероятно, зачисляли земледельцев, скотоводов, ремесленников.

Слово «караказан» состоит из двух частей: «кара» и «казан». В. В. Радлов приводит следующие значения «кара»; черный, земля и суша; нечистота; скот; другой, чужой человек; простолюдин, народ, чернь; простой, не принадлежащий к высшим классам⁹.

Слово «казан» также имеет несколько значений; главное из них — котел для варки пищи — распространено от Турции до Сибири¹⁰. Среди узбекского населения Зеравшанской и Ферганской долин, а также верховий р. Кашка-Дарьи, термином «казан» часто называли и семью; выражение «бир казан» говорит об общности бюджета неразделенной семьи. Но этот термин употребляют и в значении войско.

В Турции казаном называли всякое военное подразделение, и особенно каждый отдельный полк янычар¹¹. В свою очередь, слово «янычар» состоит из двух частей: «йени» — новый и «джер» («чери») — войско¹². Наименование «чери» наряду с другими («ляшкар», «кошун») употреблялось и в Средней Азии в XVIII—XIX вв. как название бухарского войска вообще; а его иррегулярную часть, необученную, называли карачирик, т. е. черное войско¹³. Иррегулярное войско, составлявшееся из «черни и из всякого сброда», на которое возлагалась также «черная часть фортификационных работ», имелась, по словам В. П. Наливкина, и в Коканде¹⁴. Здесь оно было известно под двумя названиями: «каракалтак» и «кылкуйрук».

Материалы Я. В. Ханькова не дают ответа на многие важные вопросы. Так, он не указывает продолжительность службы караказана, с уходом которого хозяйство лишалось если не главы, то всегда нужного работника, не уточняет, к сожалению, и срок, на который освобождали караказанов от налогов. Последнее позволило бы установить продолжительность службы воинов. Известно, что при поливном земледелии в течение года один и тот же участок земли крестьяне засевали дважды: сначала озимыми, затем яровыми культурами. Соответственно дважды собирали урожай и выплачивали налоги: весной с озимых культур «ак» платили налог «акбари», осенью с яровых «кук» — «кукбари». Если человек отрывался от своего хозяйства на несколько месяцев, он, вероятно, должен был платить хотя бы один из этих налогов. Отсутствие работника не менее шести месяцев полностью освобождало его хозяйство от налога. Если учесть, что караказаны были заняты не только военной службой, но и возделыванием полей, уходом за скотом своих начальников, то срок их пребывания в войсках даже в мирное время должен был быть не менее 9 месяцев, т. е. времени, необходимого для завершения хозяйственного цикла как в земледелии, так и в скотоводстве.

По материалам Бурнашева и Поспелова не представляется возможным установить исходную единицу, поставившую определенное число караказанов в Ташкенте. Если сопоставить число караказанов (от 200 до 1000 человек) с числом домов (около 20 тыс.)¹⁵, выясняется, что каждые 20—100 домов выставляли одного караказана

⁷ Реки Чирик и Келес — основные источники орошения земель Ташкентского оазиса.

⁸ Я. В. Ханьков, Указ. раб., стр. 31.

⁹ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. 2, СПб., 1895, стр. 137—142.

¹⁰ Там же, стр. 367—368.

¹¹ I. T. Zepker, Dictionnaire turk-arabe-persan, Leipzig, 1866, S. 700; И. З. Бурдагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб., 1871, стр. 14.

¹² Турецко-русский словарь. Составил Д. А. Магазаник, М., 1931, стр. 1134.

¹³ В. Л. Вяткин, Указ. раб., стр. 9—26.

¹⁴ В. П. Наливкин, Указ. раб., стр. 174—175.

¹⁵ А. И. Добросмыслов, Ташкент в прошлом и настоящем, Исторический очерк, Ташкент, 1912, стр. 42; см. также Ф. Азадаев, Ташкент во второй половине XIX века, Ташкент, 1959, стр. 23—24.

По сведениям Л. Н. Соболева, в Сыр-Дарьинской области наибольший процент (54,37%) составляли кишлаки, в которых было менее 50 дворов; второе место (20,85%) — кишлаки, в которых насчитывалось до 100 дворов¹⁶. Исходя из этого, можно, по-видимому, утверждать, что в «Ташкентском владении» разверстка караказанов падала на кишлаки из 20—50 домов или на подобные группы хозяйств в крупных кишлаках.

Для выяснения интересующего нас вопроса большое значение имеет сравнение термина «караказан» с терминами аналогичного значения, например с уже упомянутыми «чери» и «карачирик». Ареалы распространения терминов «чери» и «казан» совпадают от Турции до Сибири¹⁷. Слово «чари» («чарик») во всем тюркоязычном мире употреблялось в значении войско¹⁸. Однако в разных местах и в разное время в него вкладывалось более узкое конкретное содержание. Так, в XI в. термином «чери-рик» обозначали лишь военный строй, шеренгу¹⁹. На джагатайском языке «карачариком» называли «войско в походе»²⁰, по-видимому, временное войско, распускавшееся с окончанием военных действий. В толковом персидском словаре XVII в. подчеркивается, что этим термином называют вспомогательное войско, «...которое посылается из других областей на помощь какому-нибудь войску»²¹. И. Д. Ягелло утверждает²², что чериком называли человека, посланного за фуражом для армии²³. В XIX в. в Бухарском ханстве термин «чирик», наряду с персидским «ляшкар» и монгольским «кошун», означал войско вообще.

Сведения В. Л. Вяткина о «чириках» настолько важны для понимания исследуемого нами термина, что мы позволим себе привести некоторые из них. В. Л. Вяткин сообщает, что эмир Хайдар разделил войско на «штатное» регулярное — *нукерия*²⁴ и «иррегулярное» — *карачирик*. Карачириков эмир призывал через глашатаев (джарчи), которые объявляли его приказ на базарах. По словам В. Л. Вяткина, при наборе карачириков особым недоразумением не возникало, потому что население вилайета для поставки людей в войска было разделено на отдельные группы.

Он указывает пять принципов объединения населения в группы, поставившие определенное число воинов. Большая часть этих групп совпадала с племенами. Отдельные группы были составлены из нескольких малочисленных племен и родов, проживавших по соседству друг с другом. По предположению В. Л. Вяткина, между ними была не только территориальная, но и этническая близость. Особую единицу представлял г. Карши, где проживали узбеки различных родов. Единую группу составляли кочевники, известные под именем илят, и население, называвшееся по месту жительства, по-видимому, оседлое. И, наконец, — последнюю группу В. Л. Вяткин именует обобщающим термином «фукара» (араб.), к ней он причисляет и таджиков.

Каждая группа точно знала, сколько карачириков (и нукеров) она обязана поставить по требованию властей²⁵. В. Л. Вяткин сообщает, что число людей от каждой группы, было определено особым обследованием и предполагает, что в основу была положена «приблизительная пропорция поставляемых каждой групповой единицей

¹⁶ Л. Н. Соболев, Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа, «Записки Русского географического о-ва по отд. статистики», т. IV, 1874, стр. 290—291.

¹⁷ В. В. Радлов, Указ. раб., т. 2, стр. 367.

¹⁸ Л. З. Будагов, Указ. раб., стр. 457; В. В. Радлов, Указ. раб., т. 3, СПб., 1903, стр. 1967—1968.

¹⁹ Махмуд Кошгарий, Турк сузлар девони, т. 1, Ташкент, 1960, стр. 369.

²⁰ В. В. Радлов, Указ. раб., т. 2, стр. 137.

²¹ «Бурхан кат'и», т. 1, Лакнау, 1888, стр. 330.

²² И. Д. Ягелло, Полный персидско-арабско-русский словарь, Ташкент, 1910, стр. 504.

²³ В. Л. Вяткин, Указ. раб., стр. 9, 26.

²⁴ А. Л. Троицкая считает, что в Бухаре «регулярное войско, состоявшее из пехотинцев-сарбазов (сарбоз) и пушкарей-топчи (тупчи)» впервые было сформировано сыном Хайдара эмиром Насрулло (1837—1860 гг.) — см. ее работу «Военное дело в Бухаре в первой половине XIX в.», «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XVII, 1953, стр. 211. По-видимому, это мнение А. Л. Троицкой относится лишь к небольшой части регулярного войска, которое состояло исключительно из пленных (там же, стр. 214) и обычно было размещено в особой слободе города Бухары (стр. 213). Наличие подобного особого батальона сарбазов и топчи характерно не только для Бухары, оно отмечается и в Кокандском ханстве (В. П. Наливкин, Указ. раб., стр. 209).

²⁵ По-видимому, таким было положение и в Ферганской долине. Излагая историю этого края конца XVIII—XIX в., В. П. Наливкин неоднократно отмечает, как быстро набирали необходимое войско и сами кокандские ханы, и отдельные правители для своих постоянных войн (В. П. Наливкин, Указ. раб.).

солдат». Из приведенных им данных видно, что воинов давали не все племена, и соотношение поставляемых каждой группой нукеров и карачириков было неодинаковым. Особое положение занимало племя мангыт, из которого происходил сам эмир, и которое своей поддержкой должно было обеспечить власть династии. Мангыты по сравнению с другими племенами поставляли более привилегированную часть войска — нукеров. Из племени сарай, напротив, брали в основном карачириков ($\frac{4}{5}$ всех выставившихся этим племенем людей). По другим племенам сведений нет.

В одном из своих обращений к каршинскому хакиму эмир Хайдар подчеркивает, что каршинскую часть войска необходимо составить «согласно обычаю», т. е. из мангытских и сарайских нукеров и карачириков, из арабских карачириков и стрелков и т. д.²⁶ Из сопоставления приводимых в этом документе цифр видно, что сохранялось указанное выше соотношение видов войска, набираемого с каждого племени.

Войска несли службу по городам и крепостям ханства. Обычно войска Каршинского вилайета стояли в крепостях, расположенных на его же территории. Более того, как подчеркивает В. Л. Вяткин, каждую крепость охраняла та группа карачириков, которую набирали из племени, жившего поблизости. Состав и размер (от 10 до 200 солдат) гарнизонов зависел от стратегического положения крепости и конкретной ситуации. Иногда некоторые крепости эмир и вовсе оставлял без гарнизона, не желая держать лишних солдат. При этом и очередность службы и сроки (колебавшиеся в зависимости от обстоятельств) устанавливало племя, поставлявшее гарнизон в «свою» крепость. Вмешательство рода в распорядок набора отрядов обусловливалось, на наш взгляд, хозяйственными соображениями. По-видимому, определенный и сравнительно короткий срок службы устанавливался только для войск из местного населения, несущих службу в ближних крепостях. В тех же случаях, когда войска перебрасывали в отдаленные крепости, срок службы был более продолжительным. Например, в Ширабаде, южной пограничной крепости, окружающее население которой относится к роду сарай, содержался гарнизон из ста человек, и сменялся он ежемесячно²⁷; в Мерве же стояли отряды по 500 человек из племен мианкальских²⁸ узбеков, сменявшиеся через каждые три месяца²⁹.

В мирное время карачириков иногда распускали по домам, и они возвращались к своим обычным занятиям — земледелию, скотоводству³⁰.

Детально характеризуя размеры и формы обеспечения войска в Каршинском вилайете, В. Л. Вяткин не касается положения карачириков. Однако о нем в какой-то мере можно судить, зная положение нукеров. В соответствии со званием, нукерам выдавали провиант и фураж, деньги и одежду. Первая форма оплаты, больше всего связанная с хозяйством, — натуральное довольствие — в ханских приказах выражалась не в продуктах, а в землях, в посевах: «выдать джебачиям и чинам выше джебачи по 6 гау³¹ посевов, чухраакасы и чинам ниже по 4 гау...» и т. д. В. Л. Вяткин поясняет, что в действительности нукерам предоставлялась не земля для обработки, а лишь налог с нее — харадж и танап. По его расчетам, годовой оклад (или налог с указанной земли) рядового нукера составлял 20 пудов, т. е. 320 кг³².

При этом следует указать на весьма важное обстоятельство, характеризующее связь нукера с его хозяйством. Если нукер «распахивает сам землю, тому отвести из его земли, кто земли не имеет, того зачислить алюфахуром (пользующимся провиантом) и землю отвести у родственников, если они занимают пашней». Если нукер имел свой клевер, то налог танап, предназначенный ему в качестве оплаты, также исчисляли из его земли (т. е. танапный сбор с этого участка вообще не взыскивался). Следовательно, солдаты регулярного войска, во всяком случае рядовые и не имевшие высоких чинов и положений, оставались связанными со своими землями. Вероятно, они могли работать в своем хозяйстве или вести его с помощью издольщиков. Нуке-

²⁶ В. Л. Вяткин, Указ. раб., стр. 17.

²⁷ О-в Мианкаль расположен рядом с Пастдаргомским районом, к северу от него; он образован двумя рукавами р. Зеравшан.

²⁸ В. Л. Вяткин, Указ. раб., стр. 15.

²⁹ П. П. Иванов, Указ. раб., стр. 55.

³⁰ И. Бекчурин, Шахрисябзское бекство, «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. II, СПб., 1873, стр. 86.

³¹ «Гау» (тадж.), «джуфтугау» (перс.) или «куш» (тюркск.) — мера земли, приравниваемая 48—50 «танапам», т. е. 12 га. По нашим полевым материалам, в средней части Зеравшанской долины один джуфтугау или куш равнялся 20—24 танапам или 5—6 га. Для Каршинской долины В. Л. Вяткин дает джуфтугау равное 20 танапам, т. е. 5 га, из этого выводит годовое содержание нукера. (Указ. работа, стр. 18.)

³² По словам Ф. Ефремова, долгое время служившего в бухарской армии, рядовые в качестве жалования получали 4 батмана пшеницы и столько же джугары, т. е. 64 пуда или 1024 кг (см. Ф. Ефремов, Десятилетнее странствование, М., 1950, стр. 27).

ров же, имевших свои посеы, в качестве оплаты за их службу освобождали от налогов с той части земель, которая указывается в приказе эмира³³.

В. Л. Вяткин умалчивает о положении карачириков, вероятно, не случайно: им ничего не платили, их не освобождали от различных налогов, так как служили они недолго и не удалялись далеко от своих земель.

Таким образом, сравнивая значение терминов «караказан» и «карачирик», которые бытовали в различных местах Средней Азии одновременно, в начале XIX в., в одинаковых социально-экономических условиях, можно предположить, что набор караказанов в Ташкентском владении, как и каршинских карачириков, осуществлялся большей частью по родоплеменным группам. Что касается Ташкента, то он при наборе войска тогда едва ли рассматривался подобно г. Карши, как одна единица. Вернее всего такой была каждая из его четырех частей, являвшаяся отдельным самостоятельным владением³⁴.

Однако, судя по описаниям, служба караказанов в «Ташкентском владении» была более обременительной, чем каршинских карачириков. Караказанов, во всяком случае часть их, и в мирное время надолго отрывали от собственных земель. Они обрабатывали чужие земли, выращивали чужие сады, ухаживали за чужим скотом. Каршинские же карачирики, неся службу в крепости, расположенной на территории их рода, оставались вблизи своих селений, земель; их служба в других крепостях была непродолжительной.

В соответствии с различием сроков и условий службы караказанов полностью содержали, обеспечивали военным снаряжением и освобождали от налогов; тогда как карачирики обязаны были являться верхом и вооруженными, платить налоги со своих земель.

У нас нет материалов о формировании и организации войск Самаркандского вилайета. П. П. Иванов в своем описании войска Бухарского ханства повторяет в основном каршинские материалы В. Л. Вяткина. По-видимому, он считает, что в Каршинской и Зеравшанской долинах организация и положение войска были одинаковыми. По его мнению (источники это подтверждают), и здесь войско набирали в порядке очереди от каждого племени (фирка)³⁵, а регулярная его часть называлась также нукерией. Название временного войска этой области — ополчения, он не приводит.

Все это позволяет, как нам кажется, утверждать, что в Самаркандском вилайете, как и в Ташкенте, ополченцев называли караказанами³⁶.

Разверстка набора и организация войска в узбекских ханствах несомненно основывалась на родоплеменном разделении населения, что и отражают официальные документы. Однако этот принцип практически не мог осуществляться в пределах целого племени. Племена даже в XIX в. являлись значительными единицами; кроме того, многие из них территориально были разрознены. Поэтому, хотя распределение и учет войска в целом велся по племенам, установленное число нукеров и карачириков (в Каршинском вилайете) или караказанов (в Самаркандском вилайете и Ташкенте) распределялось внутри племени по отдельным группам населенных пунктов, — территориальным общинам. Эти общины и являлись той единицей, которая поставляла требуемое ханом число воинов. Внутри общины производилось, вероятно, и обследование, о котором говорил В. Л. Вяткин.

Как показывают исследования В. В. Бартольда, перенесение военных терминов на другие стороны жизни получило довольно широкое распространение в Средней Азии. Это отмечено, например, в Зеравшанской долине. Так, многие названия войсковых подразделений переносились, особенно в XVI—XVII вв.³⁷, на административные единицы и должности («тумон», «даруга», «эликбоши» и др.).

В настоящее время мы не можем сказать, как называлась территориальная община в начале XIX в. и ранее, что первоначально именовалось караказаном — ополчение или община, выставлявшая его.

³³ Н. А. Кисляков широко интерпретирует этот факт. Соглашаясь с мнением В. Л. Вяткина, он считает эту форму оплаты военных одним из видов феодального ленного пожалования в Бухарском ханстве XIX в., так называемым танхо (см. Н. А. Кисляков, Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 74, М.—Л., 1962, стр. 90—92).

³⁴ Период существования в Ташкенте четырех владений, чархаким, относится к концу XVIII — началу XIX в. (Ф. Аз а д а е в, Указ. раб., стр. 16—17).

³⁵ П. П. Иванов, Указ. раб., стр. 55.

³⁶ Наряду с этим, возможно, здесь употребляли и термин «кылкуйрук», упоминаемый П. П. Ивановым без указания определенного района его бытования.

³⁷ Для Монголии XVI в. Б. Я. Владимирцов также отметил перенесение названия военного ополчения «хошуун» на выставлявшую его группу айлов (кочевых селений) «оток», которая тогда являлась основной социальной и хозяйственной единицей (см. Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 158).

Возможно, что в Зеравшанской долине, в частности в Пастдаргомском районе, с прекращением феодальных войн вследствие установления власти России, слово «караказан» теряет свое военное значение. Оно сохраняется в названии общины.

Община (караказан), как выяснилось во время наших полевых исследований, состояла из нескольких кишлаков. Иногда она имела название, и тогда входившие в нее кишлаки помимо своих наименований носили еще одно — общее.

Так, караказан Миянкоу объединял кишлаки Урта, Баят, Балталы и Миянкоу, и все вместе они назывались Миянкоу: караказан Балхиен — кишлаки Пустак, Гала-батыр, Рават и Уники; караказан Валакандоз — кишлаки Зангуи, Бахшивон, Янон и Калходжа. Другие караказаны не имели названия. Таковы караказаны, в которые входили кишлаки Катта, Равак, Намазго и Ит; кишлаки Баймак, Мирзотупи, Янги-карасирак и Эски, и др.

По литературе, в частности по спискам населенных мест, такие объединения кишлаков в сельскую общину, т. е. караказан выявить невозможно. Если караказан имел название, то все составлявшие его кишлаки выступают как один населенный пункт. Лишь об одном караказане В. Л. Вяткин пишет: «кишлаки Миянкоу», однако он не раскрывает его состав. А караказаны Балхиен, Чархин и Валакандоз, он, по-видимому, считает самостоятельными кишлаками, ибо употребляет каждый из них в единственном числе³⁸. Если же караказаны не имели названий, то входившие в них кишлаки выступают каждый под своим именем³⁹. Правда, местное население объединяет под названиями «Дашт-найман» или «Қазак-найман» два караказана: Чархин и Валакандоз, но это лишь указывает родовую принадлежность их населения.

Не останавливаясь на истории заселения этих мест, отметим, что группы кишлаков, имеющие общинное название, более древние. Так, земли Миянкоу и граничащие с ними Балхиен упоминаются в числе вакуфов Ходжи Ахрара еще в XV в.; Чархин и Валакандоз приводятся в документах первых бухарских ханов мангытской династии, т. е. в начале XVIII в.⁴⁰. Караказаны, не имеющие названия образовались позднее, некоторые даже в середине XIX в. Необходимо подчеркнуть также, что независимо от времени возникновения поселений, почти каждый караказан состоял из четырех кишлаков⁴¹.

Проследившая этапы освоения этого района, В. Л. Вяткин отмечает, что оседающее население занимало старые кишлаки или основывало новые⁴². Как правило, в каждой группе селений, составлявших караказан, проживали члены одного рода или его подразделения («украч найман», «казак найман», «мангит» и т. д.). В дальнейшем в общинах появились узбеки, принадлежащие к другим родам и даже представители других народов; есть и такие общины, в четырех селениях которых проживали четыре различные народности (в каждом отдельная народность).

Земли таких общин орошались из четырех ответвлений одного канала. Члены общины были связаны единым порядком проведения земледельческих работ, зависящим от очередности поливов. Существовала и постоянная взаимная помощь в полевых работах, постройке жилищ, праздновании свадеб, устройстве похорон. Каждая община имела два общественных котла (большой и малый казан), которые использовались при общих трапезах, а также любым хозяйством по мере надобности. Община выбирала из своей среды человека, который должен был следить за состоянием оросительного канала, очередностью поливов, составом и севооборотом полеводческих культур, сбором налогов и т. д.⁴³

Современные жители Пастдаргома не помнят значение караказана как ополчения. Караказан, по их словам, — община, состоящая из группы кишлаков. Свое название она якобы получила по большому котлу, в котором готовили ритуальную пищу в день смерти человека или поминок по нему, когда собирались обязательно все члены данной общины. «Бир караказан» означает, по их мнению, общий черный (траурный) котел.

³⁸ В. Л. Вяткин, Материалы к исторической географии Самаркандской области. «Справочная книжка Самаркандской области», вып. VIII, Самарканд, 1902, стр. 44, 56.

³⁹ «Материалы всероссийских переписей 1920 г.», ч. I, вып. V, Ташкент, 1924, (табл. I, Самаркандский уезд, Сел. общ. Хйшрауское), стр. 42.

⁴⁰ В. Л. Вяткин, Материалы..., стр. 56.

⁴¹ Образовавшиеся выселки обычно впоследствии сливались с основным кишлаком. Имеется лишь одно указание о наличии кишлаков, т. е. караказанов, состоявших из пяти частей. Эти кишлаки расположены к западу от канала Даргом, в Чимбайской волости, см.: «Современный кишлак Средней Азии», вып. IX, Ташкент, 1927, стр. 10.

⁴² В. Л. Вяткин, Материалы..., стр. 55—56.

⁴³ В местах, где доставка воды представляла трудности (обычно в низовьях магистральных каналов) выбирался специальный человек, ведавший только делами, связанными с орошением земель.